

ФИНСКАЯ ПЕЧАТЬ 1941–1944 гг. О СУДЬБЕ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА И ЕГО ЖИТЕЛЕЙ

Мошник Ю.И.

к.и.н., старший научный сотрудник

ГБУК ЛО «Выборгский объединенный музей-заповедник»

Вопрос о будущем Ленинграда стал одним из ключевых в переговорах Германии и Финляндии о военно-политическом взаимодействии задолго до начала блокады. 26 мая 1941 г. начальник генерального штаба сухопутных войск вермахта генерал-лейтенант Ф. Гальдер представил и согласовал с начальником финского генштаба Э. Хейниксом план участия финских сил обороны в наземной операции против Ленинграда совместно с войсками группы армий «Север»¹. Речь в это период велась еще не о блокаде, а о взятии Ленинграда немецкими войсками при поддержке финской армии². О том, что Германия изменила свои планы и перешла к осаде города без возможности капитуляции, немецкая сторона довела до сведения финского военного командования в последних числах августа³.

Грузовик с надписью на борту «Сортавала – Петербург». Сортавала. 27.07. 1941 г. Коллекция фотографий Военного архива Финляндии (SA-kuva).

В соответствии с планом «Барбаросса» на финскую армию была возложена задача перейти в наступление на ленинградском направлении на Карельском перешейке и с севера, в обход Ладожского озера. Финская и немецкая армии должны были встретиться на Свири для исторического «рукопожатия». 10 июля войска финских сил обороны перешли к наступлению на ладожском направлении, а в конце июля – на Карельском перешейке. В первых числах сентября финские войска подошли к старой границе на Карельском перешейке и на некоторых участках смогли продвинуться за ее линию.

Взятие немецкими войсками Шлиссельбурга и выход финской армии к Свири произошли почти одновременно – 7-го и 8-го сентября, хотя о «рукопожатии» двух армии речи уже не шло – силы вермахта были остановлены войсками Ленинградского фронта⁴. Кольцо блокады Ленинграда замкнулось.

Еще до начала наступательной операции в финских военных кругах стали обычными разговоры о том, что Ленинград неизбежно должен капитулировать под

Главнокомандующий К.Г.Э. Маннергейм смотрит в бинокль на Ленинград. Майнила. 17.09. 1941 г. Коллекция фотографий Военного архива Финляндии (SA-kuva).

натиском немецкой армии – и о том, каковы должны быть действия Финляндии в этом случае. В дневнике журналиста О. Пааволайнена от 19 июня 1941 г. содержится запись, кратко и точно отражающая общественные настроения этого периода: «А... меня разве не воспламеняет мысль, что вскоре я вновь пройду по улицам Ленинграда и буду писать репортаж о победе?»⁵. Милитаристский подъем в этот период ощущают в Финляндии не только представители политического руководства и военного командования. В образе

«поверженного и побежденного» Ленинграда соединяются представления о возмездии за трагедию Зимней войны, мечты о Великой Финляндии,

триумфальное разрешение подавленного национализма и вера в грядущее процветание страны в тесном сотрудничестве с мощной державой – Германским рейхом.

На страницы финской печати «ленинградский вопрос» попал почти месяцем позднее, в середине июля, когда войска группы армий «Север» стали быстро продвигаться к Ленинграду. Как правило, это были радиосводки, распространяемые информационными агентствами из Берлина, а также Рима, Базеля, Лондона, Вашингтона. В первых газетных сообщениях сообщалось о том, что «над Ленинградом теперь нависла прямая угроза одновременно с двух сторон. С севера на старую столицу России наступают финские войска, а с юга – немецкие»⁶. Газеты информируют о начале бомбардировок и о пожарах в городе, а в начале августа – уже о том, что вокруг Ленинграда сжимается блокадное кольцо: «Слухи о том, что немецкие моторизованные подразделения уже прибыли в субботу в пригород Петербурга⁷, не подтвердились, но положение Петербурга по-видимому, еще более угрожающее, чем положение Москвы. Наступающие к востоку от Чудского озера немецкие войска и действующие с востока от Ладоги финские силы сжимают вокруг Петербурга смертельные клещи. Под Петербургом у русских имеются в большом количестве хорошо подготовленные и технически оснащенные подразделения. Так что можно предполагать, что Петербург не сдастся без боя. По различным признакам можно сделать вывод, что намерения начать прямое наступление на Петербург нет, а следует произвести окружение вдоль южного побережья Ладоги таким образом, чтобы

город оказался в осаде. Связи Петербурга с другими частями Советского Союза уже стали очень ограниченными...»⁸

Дневниковые записи и письма финских политиков, журналистов, писателей свидетельствуют о зыбкости представлений финского общества о том, где будет пролегать юго-восточная граница страны после падения Ленинграда (в самом успехе боевых действий сомнений не было практически ни у кого) и о том, что будет с Ленинградом, его

Финские солдаты пьют воду из р. Сестры. Раййоки. 8.09. 1941 г. Коллекция фотографий Военного архива Финляндии (SA-kuva).

защитниками и гражданским населением. Финская периодическая печать не только не помогает прояснить эти представления, а скорее вносит дополнительную неопределенность, вуалирующую стратегические планы финляндского руководства. Этот механизм хорошо иллюстрирует письмо председателя парламентской комиссии по иностранным делам В. Войонмаа сыну от 3 сентября 1941 г.: «...Самая большая сегодняшняя сенсация – ожидание предстоящего падения Петербурга. В это веруют, как в бога, да и следует верить. Многие привычно полагают, что на этом война для Финляндии закончится и что Германия, дескать, пообещала ничего более не требовать от нас. <...> Германия может потребовать от Финляндии 30 тысяч человек для несения полицейской службы в Петербурге после того как он будет захвачен. Есть и такие, которые считают, что никакой полиции там не потребуется, поскольку Петербург будет стерт с лица земли. Об этом мне всерьез говорил, в частности, Таннер, а Хаккила даже в восторге от такой перспективы, тем более что, по его мнению, тут никому никаких хлопот не будет, так как руссы сами уничтожат свой город. Об этом же пишут и газеты»⁹.

Вероятнее всего, Войонмаа имеет в виду, прежде всего, передовицы главной финноязычной газеты “Helsingin Sanomat”, одна из которых называлась «Петербург – угроза безопасности Финляндии»¹⁰. В статье содержалось заявление о том, что найдено удовлетворяющее финскую сторону решение «петербургского вопроса». Каково это решение, автор статьи умалчивал.

«Отсюда виден Ленинград». Валкеасаари – Майнила. 19.09. 1941 г.
Коллекция фотографий Военного архива Финляндии (SA-kuva).

В сентябре 1941 г. в газетах (как центральных, так и местных) и радиосводках новостей тема наступления на Ленинград освещается практически ежедневно. О содержании статей можно судить уже по заголовкам: «Петербург не выдержит долгой блокады, иначе его миллионное население умрет от голода»; «Черед Петербурга вот-вот настанет»; «Могучий миллионный

город Советского Союза страдает в тисках войны»; «Все население Петербурга сражается»; «Кольцо блокады все прочнее»; «Петербург: у нас нет хлеба и никакой еды!»; «Русские пытаются прорваться из петербургского окружения»; «В петербургском котле – 4,5 миллиона человек. Сталин решил судьбу города». В сообщениях военного радио акцент делается на активные действия немецкой артиллерии и на «жестокость» советских властей, обрекающих город на уничтожение¹¹.

Если сводки новостей опирались главным образом на сведения, которые Финляндия получала через международные информационные агентства (преимущественно из Берлина), то подготовка репортажей, статей и очерков была возложена на военнотружущих информационных рот (tiedotuskomppaniat).

Формирование информационных рот началось в середине июня 1941 г. на специальных курсах в городке Вилппула в центральной Финляндии. Первоначально планировалось, что подразделения, задачей которых станет освещение событий на фронте (работа военных корреспондентов, репортеров, фотографов, кинооператоров и т.д.) в гражданских средствах информации, а также подготовка пропагандистских материалов, направленных на работу с противником, получают наименование «рот пропаганды». Однако уже к 23 июня название изменили, исключив слово «пропаганда» как пейоративное¹². Роты подчинялись Информационному отделу Ставки (командир – капитан К. Лехмус). На первом этапе было образовано 9 информационных рот, позднее их количество колебалось от 9 до 12. Все эти подразделения сотрудничали как с местной, так и с центральной прессой, включая “Helsingin Sanomat”, “Uusi Suomi”, “Suomen Sosialidemokraatti”, “Hufvudstadbladet”, т.е. практически со всеми влиятельными столичными газетами, а также с теми изданиями, которые действовали в зоне дислокации роты.

Изучение ситуации в Ленинграде стало одним из важнейших направлений финской разведки еще до начала блокады. Основным источником информации были сведения, полученные от перебежчиков и военнопленных, на основании которых военные корреспонденты готовили тексты статей и передавали их в цензурные органы. После того, как в них были внесены необходимые поправки и поставлена разрешающая резолюция, статьи поступали в газету, для которой они предназначались. Цензура могла вымарать фрагмент статьи, не подлежащий огласке или полностью запретить материал к публикации.

Военный корреспондент лейтенант Тойво Вейкко Нарва. Ругозеро. 12.12. 1942 г. Коллекция фотографий Военного архива Финляндии (SA-kuva).

Сохранившиеся в Национальном архиве Финляндии военные дневники информационных рот позволяют проследить «путь» некоторых статей – от этапа работы с информантами до публикации. Так, в датированном 5 сентября 1941 г. рапорте 2-й информационной роты, дислоцированной на Карельском перешейке, сообщалось: «20–21. Прибыл Нарва и... упомянул уже допрошенных ингерманландцев, которые еще 1.09 были в Петербурге. В Петербурге слышны беспрестанные артиллерийские залпы наступающих немецких войск»¹³. Спустя три дня

информация, полученная в результате допроса ингерманландцев, уже была изложена в статье упомянутого в рапорте военного корреспондента

Тойво Нарва, опубликованной в газете “Laatokka” (Йоенсуу) под заголовком «Воздушные налеты, артобстрелы и хаос в Петербурге. Пяти миллионам жителей города угрожает голодная смерть»¹⁴, одна из первых статей о блокаде Ленинграда в финской печати.

После сообщения о том, что ингерманландцы с нескрываемой радостью приветствуют финские войска на Карельском перешейке, следовал рассказ перебежчика-ингерманландца, 31-летнего рабочего одного из ленинградских заводов Юхана Кукконена из Валкеасаари (Белоострова). Кукконен рассказывал: «Весь большой город сейчас – словно огромный военный лагерь... Это не одни лишь солдаты, там трудятся и рабочие, и молодежь, и женщины, которые тысячами вступают в ряды Красной армии. Приказ Ворошилова “Ленинград в опасности – враг у ворот” известен каждому. Работа на заводах и фабриках прекратились. Рабочие вооружаются винтовками и идут на защиту города. Те,

кто не может воевать, идут рыть окопы и строить укрепления вокруг города и в пригородах».

Вопросы, которые особенно интересуют корреспондента – это положение с продовольствием и эвакуация гражданского населения: «Уже давно в Петербурге введены карточки, – рассказывает Кукконен. – Достать мясо невозможно еще с прошлой осени, кроме как в ресторанах, хотя хлеба пока достаточно. Сейчас все же ситуация изменилась, и с 1 сентября хлеб по карточкам не продают. Важно, чтобы гражданское население Ленинграда было быстро эвакуировано во внутреннюю Россию, но немцы сейчас перерезают ведущие в Петербург шоссейные и железные дороги и... эвакуированное гражданское население вынуждено возвращаться обратно в город. В тот день, когда я был в Петербурге в последний раз, 1 сентября, немцы, по слухам, уже были в Гатчине, в 20–25 км от города... Также в руках немцев уже Тосно и Любань. Говорят, что по странному течению обстоятельств дети, эвакуированные из города в сельскую местность, попали прямо в руки к немцам». Кукконен упоминает и о случаях, когда оказавшиеся в плену гражданские были отпущены немцами и потом рассказывали, что немцы обращались с ними хорошо. Из этих слов Нарва делает вывод, что «народ втайне начинает надеяться на приход немцев, которые освободят город». Последний вопрос перебежчику был о том, насколько долго, по его мнению, Ленинград сможет выдержать блокаду. Ответ Кукконена: «Две-три недели. Вам не нужно переходить в наступление для того, чтобы завоевать Петербург. Нужно только немного подождать, и он сдастся сам, когда закончится еда».

Корреспондент Вейкко Итконен берет интервью в Валкеасаари (Белоостров). 29.03. 1942 г. Коллекция фотографий Военного архива Финляндии (SA-kuva).

Постараемся выделить основные сюжетные линии, вокруг которых строятся публикации о блокадном Ленинграде, на материалах нескольких периодических изданий: двух столичных (“Helsingin Sanomat” и “Uusi Suomi”) и двух местных газет (выборгской “Karjala”, выпускавшейся в 1941–1944 гг. в Хельсинки, и сортавальской “Laatokka”, которая в этот период печаталась в Йоенсуу), а также иллюстрированного еженедельника “Suomen kuvalehti”.

Начиная с августа 1941 г. в печати появляются материалы, освещающие

действия финской армии по блокированию Ленинграда. И в сводках новостей, и в аналитических статьях они описаны как равноценные с наступательными действиями группы армий «Север». Финские войска выполняют свою задачу, перекрывая связи Ленинграда с остальным миром: «Затягиваемое финнами и немцами (в таком порядке. – Ю.М.) кольцо блокады Ленинграда замкнулось, город остался без наземных связей. Битва за Петербург приближается к концу. Потери среди советских солдат так велики, что Ворошилов вооружил тысячи женщин и детей, отправив их воевать с немцами»¹⁵. В репортаже фенрика 3-й информационной роты В. Итконена, прозвучавшем в эфире Юлейсрадио¹⁶ 23 сентября 1941 г., превозносятся действия финской артиллерии: «Петербург – символ смерти, жерло ада сил человеческих. Его судьба решена; блокадное кольцо, железный обруч вокруг города час от часу сжимается. Финны закрывают путь от него на север. Вокруг нас, внизу, в темноте лесов, скрываются красные жерла финских орудий, посылающие свои мощные снаряды по позициям рюсся, которые все еще упорно пытаются обороняться и предотвратить падение Петербурга»¹⁷.

Ведущую роль в окружении, обстреле и бомбардировке Ленинграда финские корреспонденты, все же, отводят немецким «братьям по оружию», плечом к плечу с которыми финские воины вершат историю. Когда к декабрю 1941 г. обещанного немцами падения Ленинграда не произошло, финские газеты отреагировали на это осторожно – и с очевидным разочарованием. В перепечатанной многими местными газетами статье из “Helsingin Sanomat” «Зимний перерыв на восточном фронте» говорилось: «Какова будущая судьба Петербурга, интересующая нас, финнов, больше всего – с немецкой стороны никаких указаний об этом нет»¹⁸. Осенью 1942 г., когда стало ясно, что войска вермахта не смогут овладеть Ленинградом, публикации о «петербургском котле» еще иногда появлялись, но «в общественном мнении в Финляндии, – по замечанию представителя вермахта при главной ставке генерала В. Эрфурта, – проявилось явное разочарование»¹⁹. Тем не менее, вплоть до весны 1943 г. в финской печати нет никаких сомнений в том, что в Финляндия непосредственно участвует в блокировании Ленинграда наравне с Германией. Стремление дистанцироваться от планов и действий Германии в отношении Ленинграда стало последовательно утверждаться в общественном сознании Финляндии не ранее 1944 г.

Участие финской армии в блокаде должно было иметь *обоснования в историческом прошлом страны*, позволяющем апеллировать к восстановлению исторической справедливости. Если оккупация Восточной Карелии объяснялась «освобождением соплеменников», прежде всего карелов и вепсов, то падение Ленинграда должно было восстановить «попранные российским деспотизмом коренные права

ингерманландцев». Авторы статей вспоминали о том, что именно в Ингерманландии были записаны руны калевальского цикла о Куллерво²⁰. Корреспондент “Uusi Suomi”, писавший под псевдонимом Тимо, напоминал читателям: “Мощная Петропавловская крепость возвышается над Заячьим островом. Но под ее стенами почил, сжимая тяжелый гаккапелитский²¹ меч, подлинный хозяин острова, Таавети Кивекяс, и в наши дни понятно, что его проклятие запечатлелось на городе, чинившем насилие над землями древнего финского племени»²². С этим сюжетом смыкаются высказываемые в печати мысли о необходимости освобождения финно-угорских народов Ингерманландии от большевистской власти.

Необходимость окружения Ленинграда и его блокирования совместно с частями вермахта объясняется в печати как правило *угрозой безопасности Финляндии*. И газеты, и радиосводки напоминают, что «оборонная промышленность Ленинграда составляет 1/3 от всей российской оборонной промышленности, а в судостроительной отрасли – ½. Это важнейший промышленный центр России»²³. Ежедневные артобстрелы города и бомбардировки немецкой авиации направлены, таким образом, на уничтожение Ленинграда как промышленного центра, и, соответственно, являются необходимой мерой, устраняющей угрозу юго-восточной границе Финляндии. В феврале 1942 г. газеты констатируют, что все крупные предприятия Ленинграда остановили работу:

Военный репортер Тенхо Мюллмяки за работой. Юлямаа. 20.07. 1941 г. Коллекция фотографий Военного архива Финляндии (SA-kuva).

«Бесперывная бомбардировка и обстрел Петербурга привели к окончательной остановке всех промышленных предприятий осажденного города. Перебежчики и военнопленные рассказывают, что уже с конца декабря в Петербурге нет электричества, и это также парализовало городскую промышленность. Лишь несколько оборонных предприятий продолжают свою работу»²⁴.

С первых чисел сентября 1941 г. с газетных страниц не сходят репортажи о *разрушениях в Ленинграде*, сгоревших продовольственных складах и оставшихся без крова жителях. В первые два месяца эти сообщения недостаточно конкретны: читатели узнают, что огромные пожары в

разных частях города видны с расстояния в 20 км и что разрушение инфраструктуры парализовало деятельность коммунальных служб²⁵. В 1942 г. картина разрушений в городе становится в описаниях финских военных корреспондентов гораздо более отчетливой. Так, корреспондент 2-й информационной роты Т. Мюллюмяки рассказывал в августе 1942 г., что в результате артиллерийского обстрела города «многие известные здания или разрушены полностью, или повреждены. В их числе, например, расположенный на берегу Невы Зимний дворец, с 1917 г. – Дворец искусства, в который было несколько попаданий, также как и в расположенную в центре города Петропавловскую крепость. Тюрьма «Кресты» пострадала прошлой осенью, тюрьма НКВД – в начале этого года. Расположенный на Театральной площади Государственный театр оперы и балета (бывший Мариинский) также получил повреждения. Так называемый Народный дом в западной части Петропавловской крепости полностью сгорел. Особенно сильные повреждения получил Путиловский, а теперь Кировский военный завод, на котором в обычное время трудилось свыше 40000 рабочих»²⁶. В репортаже военного корреспондента лейтенанта Э. Сойни «Жители Петербурга ждут лишь часа, когда немцы завоюют город»²⁷, основанном на показаниях ингерманландских беженцев, говорится о том, что в Ленинграде закончился бензин, окончательно встал транспорт, а большинство жилых домов полуразрушены в результате воздушных налетов.

И все же главной темой «ленинградских статей» в финской печати был *массовый голод*. Особенно много таких публикаций весной 1942 г., когда стала доступной информация о событиях страшной первой блокадной зимы. Тема голода освещалась финскими корреспондентами правдиво и без существенных преувеличений. Вместе с тем, она использовалась как элемент контрпропаганды: финские военные обозреватели старались таким образом дезавуировать распространявшиеся в советских газетах и на радио сведения о массовом голоде в Финляндии²⁸. Чаще всего эти публикации анонимны, а их авторы намеренно избегают комментариев к озвучиваемым фактам. Статья «Люди массово умирают от голода в Петербурге»²⁹ основана, как представляется, на сведениях, полученных от попавшего в плен медицинского работника. По словам информатора, в городе свирепствуют водянка, цинга, брюшной тиф, дизентерия. Больницы переполнены, во всех школах оборудованы лазареты. В больницах каждую ночь 15–20 человек умирает от голода. В январе смертность за сутки достигала 10000 человек³⁰. Анонимный автор статьи пишет о голоде: норма хлеба для работающих составила в январе 180 г и 125 г – для всех остальных. Но эти ограничения не для всех. «Здесь рестораны еще полны теми, кто занимается тяжелой работой по снабжению, к которой привлекаются... мужчины и женщины 16–50 лет, освобожденные от других работ». В городе замерз

водопровод, нет электричества, нет керосина, свечей, нет стекол в окнах. И множество трупов, которых некому хоронить. Их просто убирают с улиц и складывают во дворах. В этих условиях «население Петербурга не смогло избежать каннибализма». Статья заканчивается утверждением, что Сталин приговорил миллионное население к смерти от голода и болезней. В уже цитированной статье Э. Сойни от 1 февраля 1942 г. говорится, что суточная норма хлеба в Ленинграде составляет чуть больше 100 г в день, но из-за примесей он мало похож на еду. На черном рынке можно попробовать купить хлеб, но 100 г его стоит 200 рублей. Картофеля в городе почти нет, а сахар – «недостижимая мечта». Колбаса бывает только из конины, и ее можно получить не больше 10 грамм. Люди вынуждены есть столярный клей³¹.

Еще одно утверждение присутствует практически в каждом репортаже финских корреспондентов о Ленинграде: *участь ленинградцев была бы облегчена, если бы город перестал оказывать сопротивление и сдался*. Это утверждение не имело под собой никаких оснований: планы германского руководства об уничтожении Ленинграда и его жителей были в Финляндии хорошо известны.

В ряде публикаций содержатся сообщения о нарастающем *недовольстве ленинградцев действиями властей города* и об организации тайных обществ. Например, в августе 1942 г., ссылаясь на сведения, полученные из Москвы, “Karjala” информирует читателей о разоблачаемых в Ленинграде тайных организациях, пытавшихся организовать тайную помощь немецким войскам. Для придания информации достоверности, читателям сообщаются даже фамилии руководителей заговорщиков – Васильев и Меркулов. Подобных подрывных организаций, по сведениям газеты, в Ленинграде много. В октябре 1941 г. «была арестована группа молодежи, чьи отцы были в свое время осуждены революционным трибуналом <...> Подозрение на них пало, когда они попытались через сотрудников милиции раздобыть оружие»³².

Подробности жизни блокадного Ленинграда финская печать освещает подробно и с высокой степенью достоверности. Безусловно, обнародование этих сведений требовало объяснения – как Финляндия может принимать участие в сознательном умерщвлении мирного населения миллионного города. Ни в одной статье гибель и страдания ленинградцев не увязывается с действиями финской армии: вина за трагедию гражданского населения полностью возложена на государственное, военное и партийное руководство Советского Союза, лишенное милосердия к своим согражданам. Только жестокость большевистской власти, подчеркивают военные репортеры, заставляет ленинградцев оказывать сопротивление. Их воля парализована приказами, их страдания вызывают человеческое сочувствие, но законы войны суровы. Эта позиция основана на

одной из установок немецкой пропаганды, ясно сформулированной в дневниковой записи Й. Геббельса от 5 сентября 1941 г.: «Нас в известной степени беспокоит то, каким образом оправдать перед мировой общественностью драму этого города. Но на выручку пришли сами большевики. Они раструбили миру о том, что вознамерились защищать город до последнего солдата. Итак, они сами отвечают за последствия этого»³³. Публикации в финской печати повторяют эту установку почти дословно. Так, в опубликованной в газете «Laatokka» 8 октября 1941 г. статье говорилось: «Участь Петербурга решена... Об этом знают все, даже советское военное руководство, но миллионы человеческих жизней ничего не значат для большевиков. Лучшим подтверждением этому является жестокость, от которой жители Петербурга испытывают небывалые страдания»³⁴. Необходимо добавить к этому, что в финской печати о блокаде почти полностью отсутствуют высказывания антисемитского характера, что резко отличает ее от печати немецкой. Редкое исключение – уже упомянутая статья Э. Сойни, в которой говорится, что в Ленинграде «действуют разведшколы, которыми руководят евреи, взявшие себе русские фамилии. Они держат свое происхождение в тайне, однако о нем нетрудно догадаться»³⁵.

Особый интерес представляют немногочисленные репортажи, рассказывающие о стойкости защитников Ленинграда и их готовности оказывать сопротивление противнику. Такие статьи в печать не попадали, но их машинописи сохранились в Национальном архиве Финляндии в папках, где собраны материалы, не пропущенные цензурой. В качестве примера приведем выдержку из запрещенного к публикации текста ранее упомянутого военного корреспондента 2-й информационной роты Т. Мюллюмяки. В статье от 17 декабря 1942 г. говорилось: «Несмотря на все лишения и бедствия Петербург до сих пор держится. Он продолжает обороняться, и даже планирует перейти к активному контрнаступлению, например на нашем участке фронта на Карельском перешейке. Упорство большевистской обороны нельзя приуменьшать здесь, где она прошла проверку – на передовой»³⁶.

Отдельно следует сказать об освещении блокады Ленинграда в военно-аналитических обзорах, размещавшихся в самом популярном иллюстрированном еженедельнике Финляндии «Suomen kuvalehti». На

Вид на Ленинград с колокольни кафедрального собора в Петродворце. Петродворец. 13.08. 1943 г. Коллекция фотографий Военного архива Финляндии (SA-kuva).

протяжении трех лет постоянную военную колонку в журнале вел обозреватель, подписывающий статьи псевдонимом «Пекка Пейтси». Автор этих статей – У.К. Кекконен, будущий президент Финляндской республики, с именем которого связывают развитие послевоенных добрососедских отношений СССР и Финляндии. «Петербургский котел» в обзорах Пекки Пейтси упоминается многократно, иногда как центральный сюжет публикации, и это позволяет проследить, как изменяются прогнозы относительно

Урхо Калева Кекконен (справа) и Суло Барлунд. Тайпале. 28.01. 1942 г. Коллекция фотографий Военного архива Финляндии (SA-kuva).

будущего Ленинграда, а также оценки ситуации и перспективы влияния событий на ленинградском фронте на политическое будущее самой Финляндии.

Впервые Пекка Пейтси пишет о блокаде в статье, опубликованной в последних числах 1941 г.: «Петербург в блокаде уже почти три месяца<...> Вначале казалось,

что немцы возьмут Петербург штурмом. Однако сопротивление русских под Петербургом оказалось настолько сильным, что прямое наступление потребовало бы неоправданно больших потерь. Посему Петербургский котел был оставлен – чтобы созреть. <...> В последнее время внимание русских, похоже, сосредоточено на выводе некоторых воинских частей из Петербурга по единственному оставшемуся пути. <...> Может случиться так, что когда Петербург будет либо покорен, либо оккупирован, большая часть войск русских будет отсюда уже перемещена»³⁷.

В середине мая 1942 г. автор колонки сообщал читателям, что «котел» окончательно созрел, и падения города следует ожидать в самом скором времени, поскольку Германия готова вновь приступить к наступлению, отложенному прошлой осенью. «Завоевание Петербурга ценой огромных жертв откроет существенные преимущества и возможности. Что эта победа будет означать для Финляндии, здесь нет необходимости объяснять»,³⁸ – констатирует Пекка Пейтси. Три месяца спустя ему приходится объяснять читателям, что «когда ранней весной с финской стороны высказывалось предположение о летнем наступлении Германии на Петербург, это могло бы показаться самообольщением финнов. Возможно, что его воздействие еще не полностью элиминировано, но мы хотим подтвердить мнение о том, что... стратегические

прогнозы основывались – и продолжают основываться на предположении, что немцы еще этим летом завоюют Петербург. Условия для завоевания Петербурга существуют с осени прошлого года. Фактически оборонительные сооружения города могут быть уничтожены артиллерийским огнем, а сам город находится в пределах досягаемости тяжелой артиллерии. <...> Никто не может отрицать, что завоевание Санкт-Петербурга будет иметь решающее влияние на развитие боевых действий в Северной Европе»³⁹.

Наконец, в мае 1943 г. Пекка Пейтси вновь возвращается к теме блокады Ленинграда, последовательно описывая историю безуспешных попыток немцев сломить его оборону. Это, возможно, самое честное описание ожиданий Финляндии в отношении исхода битвы за Ленинград. «Невозможно поверить, – пишет он, – что Петербург стал первым укрепленным пунктом, способным выстоять против немцев. <...> Нас, финнов, естественным образом особенно интересовала судьба Ленинграда. Финны стоят на страже Петербургского котла с севера. Мы принимаем к растворенным в воздухе веяниям, пытаюсь носом уловить сигнал, когда же котел прорвется. До сих пор наши предчувствия обманывали нас. Но кажется, когда вновь придет весна, в нас вновь проснется надежда на то, что Петербург будет повергнут. Активность немцев под Петербургом, продемонстрированная ими в последние недели, самой впечатляющей формой которой было уничтожение тяжелой осадной артиллерией петербургских промышленных объектов, вызвало к жизни ставшее популярным у нас мнение о том, что грядущее лето решит судьбу Петербурга. <...> Мнение автора этих строк об ожидающемся наступлении на Петербург связано с широко распространенными в Финляндии надеждами. <...> Многие вопросы остаются сейчас без ответа, и мы можем утешать себя лишь тем, что следующей осенью мы станем мудрее. Тогда мы будем знать, является ли Санкт-Петербург единственной европейской столицей, которая никогда не была завоевана противником, как это утверждает российская пропаганда»⁴⁰. Осень 1943 г. показала ошибочность и этого прогноза, подтвердив при этом правоту его заключительных фраз.

Материалы периодической печати Финляндии до сих пор остаются ценным, но малоизученным источником по истории блокады Ленинграда и истории советско-финляндской войны 1941–1944 гг. На протяжении всего периода блокады судьба Ленинграда была в Финляндии одной из самых важных, самых обсуждаемых тем. Поставляя информацию о Ленинграде, периодическая печать формировала общественные представления о том, что военные действия финской армии, направленные против Ленинграда, являются необходимым условием для обеспечения безопасности страны, они имеют основания в ее историческом прошлом и направлены на осуществление заветной мечты о едином государстве финских народов. Характерно, что планы немецкого

командования по уничтожению Ленинграда, согласованные с руководством Финляндии, никогда не обнаруживаются на страницах финской печати, давая возможность авторам статей обвинять в гибели ленинградцев советское политическое руководство – по шаблонам, заготовленным немецкой пропагандой. В послевоенный период в финской историографии сложилось представление о том, что участие Финляндии в блокаде Ленинграда имело исключительно пассивный характер и было продиктовано соображениями обороны. Материалы периодической печати опровергают эту точку зрения: вплоть до конца 1943 г. Финляндия видела себя активным участником и потенциальным бенефициаром наступления на Ленинград.

¹ Барышников В.Н. Вступление Финляндии во вторую мировую войну. 1940–1941 г. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. С. 231–232; Христофоров В.С. СССР – Финляндия: противостояние 1941 – 1944 гг. М. Издательство ИРИ РАН, 2018. С. 51.

² По мнению генерала П. Талвела, высказанному им в мемуарах, еще в июле 1941 г. главнокомандующий генерал К.Г.Э. Маннергейм был готов к тому, что финские войска будут принимать участие в овладении Ленинградом (Talvela P. Sotilaan elämä: Muistelmat. Osa 1. Toim. V. Tervasmäki, S. Ahto. Helsinki: Kirjayhtymä, 1976. S. 271).

³ Гаценмюллер Й. Осажденный Ленинград. Город в стратегических расчетах агрессоров и защитников. 1941–1944 / Пер. с нем. А.Л. Уткина. М.: Центрполиграф, 2019. С. 33–34.

⁴ Подробнее см.: Барышников Н.И. Блокада Ленинграда и Финляндия. 1941–1944. СПб. – Хельсинки: Johan Beckman Institute, 2002. С. 99–111.

⁵ Raavolainen. O. Synkkä yksinpuhelu: päiväkirjan lehtiä vuosilta 1941–1944. Osa I. Porvoo: WSOY, 1946. S. 107–108. Здесь и далее пер. с фин. Ю. Мошник, если не указано иное.

⁶ Laatokka 16.07.1941 no 77 S. 1.

⁷ Как правило, в финских публикациях 1941–1944 гг. Ленинград называют “Pietari” (Петербург, Питер). Название “Leningrad” использовалось крайне редко.

⁸ Välitön uhka Pietaria ja Moskovaa vastaan tulee yhä suuremmaksi // Laatokka. 1941. № 84. Elokuu, 1. S. 1.

⁹ Войонмаа В. Дипломатическая почта. М.: Прогресс, 1984. С. 47.

¹⁰ Rusi A. Lehdistöensuuri jatkosodassa. Sanan valvonta sodankäynnin välineenä 1941–1944. Kokemäki: Satakunnan painotalo oy, 1982. S. 139.

¹¹ KA. SA. N. 10542/8. Divisioona J. Esikunnan valistustoimisto (Toimosto XV). Uutiskatsaukset. 1941 – 1942.

¹² Pilke H. Omat haukkuivat politrukeiksi. Jatkosodan valistusupseerit. Helsinki: Docendo, 2019. S. 37.

¹³ KA. SA. T-18660. Sotapäiväkirjan kokoelma. Neuvottelukokousmuistio. 2. Tiedotuskomppania. 1941.

¹⁴ Narva V. Ilmapommituksia, tykinjyskettä ja sekasortoa Pietarissa // Laatokka. 1941. № 100. Syyskuu, 8. S. 1. На самом деле по данным НКВД в Ленинграде на 8 сентября 1941 г. население составляло 2 457 605 чел. (Кантор Ю.З. «Улицы стали проспектами мертвых». К вопросу о смертности в Ленинграде в первое полугодие блокады (по документам архива УФСБ по СПб и ЛО) // Петербургский исторический журнал. 2018. № 4. С. 142).

¹⁵ KA. SA. T-10542/8. Divisioona J. Esikunnan valistustoimisto (Toimosto XV). Uutiskatsaukset. 1941–1942.

¹⁶ Yleisradio, Suomen Yleisradio – финляндская государственная радиовещательная компания.

¹⁷ Radioreportaaseja hävityksen ja taisteluiden keskeltä.

URL: <https://yle.fi/aihe/artikkeli/2009/06/01/jatkosodan-hyokkaysvaihe-kannaksella#media=39862>

¹⁸ Talvitauko itä-rintamalla // Laatokka. 1941. № 141. Joulukuu, 12. S. 6.

¹⁹ Эрфурт В. Финская война 1941–1944. М.: Олма-Пресс, 2005. С. 188.

²⁰ [Timo]. Liput liehuivat // Uusi Suomi. 1941. Marraskuu, 16. S. 11.

-
- ²¹ Гаккапелиты – финские лёгкие кавалеристы на шведской службе периода Тридцатилетней войны (1618–1648).
- ²² [Timo]. Tuhoennustukset toteutumassa //Uusi Suomi. Syyskuu, 6. S. 2. Это упоминание отсылало к статье известного этнографа К. Вилкуна в сборнике «Финские герои», опубликованном еще в 1921 г., где была выведена фигура легендарного командира партизанского отряда Тааветти (Давида) Кивекяса, якобы погибшего на территории будущего Санкт-Петербурга в годы правления Густава II Адольфа.
- ²³ KA. SA. T-10542/8. Divisioona J. Esikunnan valistustoimisto (Toimosto XV). Uutiskatsaukset. 1941 – 1942.
- ²⁴ Pietarissa pysähtyivät kaikki kaupungin tärkeät laitokset // Karjala. 1942. № 38. Helmikuu, 15. S. 5.
- ²⁵ Pietarin vainovalkeat // Karjala. 1941. № 259. Marraskuu, 9. S. 6.
- ²⁶ Myllymäki T. Pietarin mottia kypsyttään hitaasti mutta varmasti // Karjala. 1942. № 175. Elokuu, 4. S. 3.
- ²⁷ Soini E. Pietarin asukkaat odottavat vain hetkeä, jolloin saksalaiset valtaavat kaupungin // Karjala. 1942. № 26. Helmikuu, 1. S. 4.
- ²⁸ В 1942 г. в Финляндии сложилась крайне тяжелая ситуация с продовольствием, и национальные редакции на московском и ленинградском радио, ведущие вещание на Финляндию, использовали эти сведения, чтобы усилить панику. Ю. Кильпелайнен (Яхветти), выпустил в 1942 г. книгу «Финляндия на советском радио», в которой высмеивались «подлинные советские пропагандистские материалы, наряду с которыми было несколько не очень аутентичных примеров»²⁸. Яхветти пишет, например, о том, что 7.10. 1941 г. московское радио сообщило, что по сведениям финских газет с 1 октября в Финляндии установлена норма хлеба – 80-100 г на человека в сутки (Jahvetti. Suomi Neuvostoliiton radiossa. Helsinki: Oy Suomen kirja, 1942. S. 173).
- ²⁹ Ihmisiä kuolee Pietarissa joukoittain nälkään // Karjala. 1942. № 101. Toukokuu, 4. S. 2.
- ³⁰ Это преувеличение, хотя и вполне объяснимое требованиями пропаганды. Если ориентироваться на официальную статистику, смертность в Ленинграде в январе составляла свыше 3300 человек в сутки (Кантор Ю.З. «Улицы стали проспектами мертвых». К вопросу о смертности в Ленинграде в первое полугодие блокады (по документам архива УФСБ по СПб и ЛО) // Петербургский исторический журнал. 2018. № 4. С. 147).
- ³¹ Soini E. Pietarin asukkaat odottavat vain hetkeä, jolloin saksalaiset valtaavat kaupungin // Karjala. 1942. № 26. Helmikuu, 1. S. 4.
- ³² Pietarissa paljastui salaliitto // Karjala. 1942. № 177. Elokuu, 6. S. 3.
- ³³ Цит по.: Гаценмюллер Й. Осажденный Ленинград. Город в стратегических расчетах агрессоров и защитников... С. 29.
- ³⁴ Pietarin kohtalo on sinetöity. Sen tietävät kaikki// Laatokka. 1941. № 113. Lokakuu, 8. S. 1.
- ³⁵ Soini E. Pietarin asukkaat odottavat vain hetkeä, jolloin saksalaiset valtaavat kaupungin // Karjala. 1942. № 26. Helmikuu, 1. S. 4.
- ³⁶ KA. SA. T-8361/1. Päämaja. Tiedotusosaston sotatiedotustoimisto. Kielletyt TK-kirjoitukset.
- ³⁷ Peitsi P. Suuri maailmanteatteri // Sodan ja rauhan mies. UrhoKekkosen sotavuodet 1939–1944 / Toim. A. Uino. Helsinki: Otava, 1998. S. 118–119.
- ³⁸ Peitsi P. Missä ja million? // Suomen kuvalehti. 1942. № 20 (16.05.1942). S. 619.
- ³⁹ Peitsi P. Sota idässä // Suomen kuvalehti. 1942. № 31 (01.08.1942). S. 958–959.
- ⁴⁰ Peitsi P. Pietarin motti // Suomen kuvalehti. 1943. № 20 (10.05.1943). S. 602–603.